

pISSN 2073-2872
eISSN 2311-875X

Угрозы и безопасность

ВЛИЯНИЕ ПРИГРАНИЧНОГО ПОЛОЖЕНИЯ РЕГИОНОВ НА ИХ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ (НА ПРИМЕРЕ РЕГИОНОВ РОССИИ И УКРАИНЫ)

Наталья Сергеевна ЕПИФАНОВА

кандидат экономических наук,
доцент кафедры региональной экономики и управления,
Новосибирский государственный университет экономики и управления (НГУЭУ),
Новосибирск, Российская Федерация
nucifraga@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-2014-3258>
SPIN-код: 1675-1746

История статьи:

Рег. № 526/2022
Получена 17.11.2022
Получена в
доработанном виде
29.11.2022
Одобрена 08.12.2022
Доступна онлайн
16.01.2023

УДК 332.142.2

JEL: R10, R12, R19

Ключевые слова:

приграничное
положение,
приграничная
экономика, российско-
украинское
приграничье, лимитроф

Аннотация

Предмет. Проблемы международной торговли. Геополитическое соперничество в современном мире.

Цели. Оценка экономического развития регионов Российской Федерации, имеющих границу с Украиной.

Методология. Применены методы синтеза, анализа и обобщения.

Результаты. Проведены расчеты и интерпретация различных показателей экономического развития приграничных регионов Российской Федерации, имеющих общую границу с Украиной. Рассчитаны индексы Грубеля–Ллойда по основным товарным группам для ряда приграничных территорий. Показано, что после политического кризиса 2014 г. в большинстве российских регионов, граничащих с Украиной, произошла переориентация внешнеэкономических связей, а барьерная функция границы стала доминировать над контактной.

Выводы. Для повышения эффективности участия приграничных регионов во внешней торговле Российской Федерации необходим дифференцированный подход к реализации региональной политики.

© Издательский дом ФИНАНСЫ и КРЕДИТ, 2022

Для цитирования: Епифанова Н.С. Влияние приграничного положения регионов на их экономическое развитие (на примере регионов России и Украины) // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2023. – Т. 19, № 1. – С. 22 – 43.
<https://doi.org/10.24891/ni.19.1.22>

Россия занимает первое место в мире и по протяженности государственной границы (60 933 км), и по количеству административных единиц (85). Примерно половина субъектов Российской Федерации – это регионы, административные границы которых частично совпадают с государственной границей. Приграничные регионы Российской Федерации составляют 27%

территории страны, численность населения этих регионов – 46% общей численности населения страны. При этом численность населения и общая площадь сопредельных регионов зарубежных государств соответственно в 2,2 и 1,3 раза больше, чем численность населения и общая площадь территории субъектов Российской Федерации, с которыми эти регионы имеют общую границу.

По мнению академика академик А.Г. Гранберга, влияние государственной границы в совокупности с удаленным от центра экономико-географическим положением приводит к относительной отсталости и уязвимости экономики приграничного региона¹. Этот вывод подтверждает и региональная статистика: более чем 70% регионов – реципиентов средств федерального бюджета представлены приграничными территориями. В приграничных регионах уровень доходов на душу населения в 1,5–2 раза ниже, а уровень безработицы – в 1,5–2 раза выше, чем в среднем по стране.

В данной статье мы рассмотрим те приграничные регионы, положение которых в условиях проводимой Россией специальной военной операции (СВО) стало наиболее уязвимым, сосредоточив внимание на регионах «российского-украинского приграничья». Это такие регионы, как Белгородская область, Брянская область, Воронежская область, Краснодарский край, Курская область, Республика Крым, Ростовская область. В текущих условиях значительное внимание в отношении этих регионов приковано к вопросам безопасности и военного противостояния, однако все те проявления межгосударственного противостояния, которые мы могли наблюдать в последние годы, неизбежно сказываются и на экономическом развитии субъектов Российской Федерации, граничащих с Украиной. Автор данной статьи считает целесообразным применение концепции лимитрофа к исследованию текущей экономической ситуации в приграничных регионах.

Понятие «лимитроф» в современной науке используется ситуативно. Определение понятия «лимитроф» очень важно с позиций экономической лимнологии, поскольку первый «лимитрофный» опыт затрагивал процессы делимитации границ Древнего Рима, где под лимитрофом понимали место дислокации пограничных войск, которые защищали территорию государства от нападений извне. Затем содержание этого понятия существенно меняется: в первой половине XX в. лимитрофами стали называть те государства, которые до 1917 г. входили в состав Российской Империи (в основном «западные губернии»), а после 1917 г. стали

¹ Гранберг А.Г. Основы региональной экономики. М.: Высшая школа экономики, 2004. 495 с.

относительно самостоятельными государствами². Суть лимитрофа в тот период сводилась к формированию «буферных» стран, которые препятствуют распространению большевистской идеологии на запад, то есть страны-лимитрофы выполняют защитную функцию но в данном случае для Европы. Но именно в этот период вводится в оборот понятия «междумирье» и «межцивилизационный пояс».

В настоящее время термин «лимитроф» используется преимущественно в геополитических исследованиях и подразумевает такое государство, экономика, культура, идеология, потоки информации которого находятся под политическим контролем какого-либо влиятельного государственного актора. Например, страны бывшего социалистического лагеря являлись лимитрофами СССР.

Распространены и иные трактовки рассматриваемого понятия, что доказывает ситуативность его использования. Например, российский исследователь Ч.К.-О. Ламажаа рассматривает Республику Тыва как территорию, расположенную между двумя цивилизациями, что сказывается на социокультурной среде тувинского общества. Примечательно, что в этом исследовании автор доказывает уже не географическую (физически воплощенную) пограничность, а «пограничность в межцивилизационном взаимодействии и социокультурной жизни общества» [1].

В данной статье мы будем трактовать понятие лимитрофа в соответствии с концепцией Ф. Ратцеля, согласно которой, что отдельные государства – это «пространственные организмы», жизнедеятельности которых присущи определенные закономерности. Одной из таких закономерностей является склонность к пространственной экспансии с целью захвата богатых ресурсами территорий, а также территорий, имеющих выгодное геополитическое положение³. По Ф. Ратцелю, основным толчком для пространственного роста государства являются перепады «уровней цивилизации» соседствующих территорий. В этих перепадах образуются территории межцивилизационного взаимодействия. Считается, что именно Ф. Ратцель является родоначальником геополитики, а также одним из тех, кто впервые определил роль лимитрофических факторов в развитии государств.

В конце XIX в. Дж. Керзон предложил идею «буферных государств», под которыми он понимал некую нейтральную зону, состоящую либо из части

² Цымбурский В.Л. Россия – Земля за Великим Лимитрофом: цивилизация и ее геополитика. М.: Эдиториал УРСС, 2000. 141 с.

³ Ратцель Ф. Человечество как жизненное явление на земле. М., 1901. С. 79–133.

государства, либо из отдельного государства, либо из совокупности государств и представляющую собой намеренно нейтрализованную территорию. Главной целью формирования таких зон является создание пространства между государствами, контакт между которыми способен спровоцировать военное столкновение⁴. Примечательно, что в условиях противостояния России со странами «коллективного Запада» исследователи из Европы и США поддерживают концепцию буферных государств и применяют ее к Украине. Например, статья Р. Шнайдера и Дж. Менона посвящена «анализу возможных вариантов управления Украиной как буферной зоной», выявлению факторов успешной или неэффективной стабилизации различных регионов, которые к ней примыкают, и определению предпочтительных механизмов воздействия на приграничные регионы, которые соседствуют с Украиной [2].

На наш взгляд, авторы этой статьи подменяют понятия и противоречат сами себе. Так, Р. Шнайдер и М. Менон утверждают, то буферные зоны расположены между двумя более могущественными соперничающими государствами, но не находятся ни под властью, ни в союзе с ними. Иногда они создаются и поддерживаются великими державами, стремящимися урегулировать свое соперничество. Однако часто они просто отражают неустойчивое равновесие «приливов и отливов» власти и служат ареной конкуренции. В то же время Украина в настоящее время находится под мощнейшим влиянием стран Запада, и поэтому не может являться буферной зоной. Более того, Р. Шнайдер и М. Менон указывают, что буферная зона нейтральна и не находится под чьим-либо влиянием, но целью статьи определяют анализ и выбор различных вариантов управления буферной зоной, указывая на то, что буферные зоны имеют неоднозначную репутацию в качестве «стабилизаторов международного соперничества».

Страны, ставшие буферной зоной, скорее всего, будут поглощены одной из двух соперничающих «больших» держав. При этом «большие» державы, которые полагаются на буферные государства в качестве «подушки безопасности», обнаруживают, что они часто слабы или нестабильны и, следовательно, подвержены господству, завоеваниям и манипуляциям со стороны противников, поэтому нуждаются во внешнем контроле и управлении [3].

В 1962 г. появилась важная концепция, внесшая вклад в формирование современного понятия «лимитроф». Это концепция «критических границ» Кеннете Боулдинга, которая вводит понятия «сфера жизненных интересов»

⁴ Curzon N.G. *Frontiers*. Oxford, Clarendon Press, 1908, 58 p.

и «сфера влияния» в геополитическом пространстве. Согласно К. Боулдингу, помимо государственных границ, существует особый вид границ, очерчивающих сферу геополитического влияния того или иного актора в мировом пространстве, признанную международным сообществом [4]. Как правило, такие границы находятся за пределами государственных границ данной страны. Применительно к текущей ситуации логично предположить, что США подобные критические границы стремятся «провести» там, где находится государственная граница между Россией и Украиной.

В историко-политическом дискурсе также распространенным является понятие государства-сателлита, под которым понимается государство, формально независимое, но находящееся под политико-экономическим влиянием другого государства. В чем же принципиальное отличие сателлита и лимитрофа? Точная формулировка этого отличия принадлежит В.Л. Цымбурскому, который определил, что лимитроф – не просто «межцивилизационный пояс», а территории, контроль над которыми позволяет поддерживать мировое лидерство, а также использовать этот контроль в целях межгосударственного противостояния с соседом лимитрофа, который является геополитическим оппонентом контролирующей страны [5].

Ряд исследователей сходятся во мнении, что спецификой военного межгосударственного противостояния в XXI в. становится не военная активность на географической территории враждующих государств, а организация «горячих» войн на территории лимитрофов одной из враждующих сторон. В современных условиях самым ярким примером такой лимитрофной войны является конфликт на территории Украины, который в геополитическом представляет собой конфликт между США и Россией.

В целом для приграничных регионов наличие соседа-лимитрофа не может не иметь специфических последствий для экономики. В отличие от других типов приграничных регионов, такие регионы имеют слабые связи с регионами сопредельного государства при наличии барьеров для приграничного взаимодействия. Чаще всего такие барьеры являются временными и могут быть обусловлены военно-политической нестабильностью на территории сопредельного государства. Для такого типа приграничного региона особенности экономического развития однозначно определить нельзя, так как они будут зависеть от экономического потенциала, сформированного накануне появления

барьеров для развития, а также от характера внешних и внутренних экономических и торговых связей.

Однозначно можно лишь утверждать, что появление подобных барьеров должно привлечь особое внимание государства, которому необходимо определить и скорректировать приоритеты региональной политики в том числе с учетом экономических интересов такого приграничного региона. Далее ответим на вопрос, как наличие лимитрофа сказывается на экономическом развитии приграничных регионов, а также на включенности этих регионов во внешнеэкономические связи страны.

Особенности размещения населенных пунктов и сельскохозяйственных и промышленных производств в регионах, граничащих с Украиной, связаны с тем, что все эти регионы после распада СССР стали представителями «нового» приграничья⁵, спецификой которого, по мнению А.Г. Гранберга, стало усиление в начале 1990-х гг. «барьерности» в ущерб «контактности» государственной границы, что не могло не отразиться на приграничном сотрудничестве российских и украинских регионов в тот период [6]. Тем не менее, в советское время эти регионы составляли единое экономическое пространство. Так, российская Ростовская область и украинские Луганская (Ворошиловградская) и Донецкая области сформировали Донецко-Азовскую трансграничную систему расселения, объединявшую более 10 млн чел. Распад СССР привел к тому, что внезапно образовавшаяся российско-украинская граница рассекла эту систему, фактически разделив на некоторых участках единые населенные пункты. Большинство предприятий поддерживали трансграничные производственные и кооперационные связи. Разрушение этих связей привело к деиндустриализации экономики по обе стороны границы.

В российских приграничных регионах в первое десятилетие XXI в. в структуре валового регионального продукта (ВРП) увеличивалась доля добывающей промышленности, соотношение между барьерной и контактной функциями государственной границы стало менее диспаритетным, и контактная функция усилилась. При этом в приграничных регионах Украины структура ВРП изменилась в сторону увеличения доли сферы услуг и снижения доли промышленного производства, а относительно более емкий российский рынок позволял развивать посреднические услуги в рамках приграничного сотрудничества, что позитивно сказывалось на его масштабах.

⁵ Под «старым» приграничьем А.Г. Гранберг понимал границы Российской Федерации, совпадавшие с границами СССР, а под «новым» приграничьем – те приграничные регионы, которые приобрели статус приграничных только после распада СССР.

Регионы российско-украинского приграничья входят в число субъектов, занимающих лидирующие позиции в агропромышленном комплексе России [7]. По данным Росстата за 2020 г., на эти регионы пришлось 25,6% от общего объема стоимости произведенной в России сельскохозяйственной продукции. Менее существенный, но значительный вклад эти регионы вносят и в общероссийские показатели развития обрабатывающей промышленности и добычи полезных ископаемых.

После 2014 г. экономический потенциал регионов российско-украинского приграничья был усилен за счет присоединения Республики Крым, но в то же время произошло существенное обострение в противостоянии России и Украины – лимитрофа США. Эти обстоятельства не могли не отразиться на взаимоотношениях приграничных регионов двух стран.

Изменение индекса физического объема ВРП (в % к предыдущему году) за период 1997–2020 гг. (*рис. 1*) показывает, что темпы роста ВРП выше среднероссийского уровня фиксируются в регионах с наибольшей протяженностью сухопутной границы с Украиной – в Белгородской и Ростовской областях. Нужно отметить, что именно эти два региона образуют единое экономическое, культурное, историческое и социальное пространство с соседними регионами, которые ранее были украинскими. В частности, регионов по обе стороны государственной границы поддерживали экономические связи благодаря развитию производственной и непроизводственной инфраструктуры. В условиях лимитрофного положения Украины возникли существенные сложности в использовании этой инфраструктуры, поэтому Ростовская область стала инициатором ускорения процедуры принятия федерального закона «Об основах приграничного сотрудничества»⁶.

Можно сказать, что именно Белгородская и Ростовская области являются теми яркими примерами регионов, которые в значительной степени испытывают на себе влияние государственной границы, а также в наибольшей степени характеризуются зависимостью экономического развития от своего приграничного положения. Отметим, что рост ВРП Республики Крым после ее присоединения к России также превысил средний показатель по стране.

Все указанные регионы имеют самые высокие значения индекса приграничного положения (*табл. 1*). Индекс приграничного положения показывает, насколько данная административно-территориальная единица,

⁶ Федеральный закон от 26.07.2017 № 179-ФЗ «Об основах приграничного сотрудничества».
URL: <https://base.garant.ru/71730188/?ysclid=lbz5694c16667338866>

расположенная в непосредственной близости от государственной границы, реализует особый потенциал своего расположения с точки зрения взаимодействия с сопредельным государством, и насколько на этот регион подвержен эффектам границ, к числу которых относится развитая приграничная инфраструктура (пограничные переходы, пограничный контроль и таможенные посты, связь, логистические центры). Рассчитывается индекс на основе методики, разработанной автором настоящей статьи.

К числу регионов, в которых относительно фиксируются более гладкие колебания индекса физического объема ВРП, а также более низкий уровень значений этого индекса (на уровне среднероссийского значения или чуть ниже), относятся Воронежская, Курская области и Краснодарский край. Эта динамика также коррелирует с расчетными значениями индексов приграничного положения: позиции указанных регионов в общем рейтинге субъектов Российской Федерации по приграничному положению соответствуют низкому уровню «приграничности».

Несколько отстает от Белгородской, Ростовской областей и Республики Крым Брянская область. Она занимает лишь восьмое место в общем рейтинге субъектов Российской Федерации по уровню «приграничности», и во многом это связано с тем, что после геополитического конфликта России и Украины в 2014 г. по инициативе последней в течение шести месяцев было закрыто около 20 пунктов пересечения границы между Брянской областью России и Сумской и Черниговской областями Украины⁷.

На *рис. 1* мы также можем увидеть, что в 1999 г., после серьезного кризиса 1998 г., практически все регионы показали высокие темпы роста ВРП, за исключением Брянской области, которая продемонстрировала один из самых низких индексов физического объема ВРП в общероссийском масштабе. Если внимательно изучить официальную статистику тех лет, то можно увидеть, что главная причина такой динамики заключалась в низких потребительских расходах домашних хозяйств.

В этом контексте следует упомянуть о серьезной проблеме экономики Брянской области, обостряющейся на фоне негативных демографических процессов. Экономика Брянской области характеризуется существенным отставанием по таким параметрам, как уровень денежных доходов на душу населения (этот уровень меньше среднего по России) и величина номинальной начисленной среднемесячной заработной платы. На *рис. 2*

⁷ В Брянской области закрылись три места пересечения границы с Украиной.
URL: <http://council.gov.ru/events/news/51958>

можно увидеть, что и в группе регионов российско-украинского приграничья Брянская область занимает последнее место по этим параметрам. Вероятно, сложившаяся ситуация связана с тем, что Брянская область признана российским регионом, наиболее пострадавшим от аварии на Чернобыльской АЭС, что негативно сказалось на демографических процессах на ее территории, на трудовых ресурсах и экономическом развитии [8].

Так как динамика абсолютных величин ВРП российских регионов за длительный период времени не показательна из-за несоответствия динамики реальных инфляционных процессов официальным отчетным данным об уровне инфляции [9, 10], то применим один из методов, который позволяет избежать подобной несопоставимости показателей ВРП, – формированием индексных показателей. Для этого воспользуемся методом относительных разностей и получим оценки по частным показателям при помощи нормирования:

$$I_{ВРП}^i = \frac{ВРП_i - ВРП_{min}}{ВРП_{max} - ВРП_{min}},$$

где $ВРП_i$ – величина ВРП i -го региона в текущих ценах в данном году, $ВРП_{min}$ – минимальная величина ВРП в текущих ценах среди всех субъектов Российской Федерации в данном году, $ВРП_{max}$ – максимальная величина ВРП в текущих ценах среди всех субъектов Российской Федерации в данном году. Для региона, ВРП которого приближается к максимальному значению среди всех субъектов Российской Федерации, значение этого индекса будет близко к 1. Чем ближе значение ВРП данного региона к минимальному значению среди всех регионов, тем ближе к нулю значение индекса.

Результаты расчетов за период 1996–2020 гг. представлены на *рис. 3*. Как мы видим, в 1996–2005 гг. происходило падение рассчитанного индекса для всех регионов российско-украинского приграничья, при этом наименьшие значения этого индекса (от 0,05 до 0,1) получены для Брянской и Ростовской областей. До 2007 г. все регионы российско-украинского приграничья отстают от среднего индекса, рассчитанного для всех российских приграничных регионов.

После 2007 г. индекс ВРП Белгородской области начинает превышать индекс ВРП, рассчитанный для среднего значения по всем регионам России и среднее значение для всех приграничных регионов страны. В целом нужно отметить, что средние индексные значения по всем российским

приграничным регионам весьма низки для любого года (не превышают 0,2), что косвенно свидетельствует в пользу того факта, что большая часть отстающих в экономическом развитии регионов относится к приграничным, в том числе к расположенным на границе с Украиной.

Объемы международной торговли между Украиной и Россией в период 2015–2016 гг. резко и предсказуемо уменьшились. Если накануне первого витка политического кризиса, в середине второго десятилетия XXI в., сложилась такая ситуация, в которой треть внешнего товарооборота Украины приходилось на приграничные с Россией регионы, а на долю российских регионов, граничащих с Украиной, – лишь 6,5% от их общего товарооборота, что связано со значительными различиями в емкости рынков по обе стороны границы, то логично предположить, что существенное «сжатие» торговых отношений между Россией и Украиной в 2015–2016 гг. оказало преимущественно негативное воздействие на экономическое развитие регионов Украины, расположенных на границе с Россией⁸. При этом количественные параметры, характеризующие объемы экспорта и импорта всех регионов, примыкающих к российско-украинской границе, отражали негативную динамику в указанный период [11].

Для регионов российско-украинского приграничья торговые связи именно с Украиной не столь существенны, как для Украины, и не столь значимы, как торговые связи с другими странами, которые углубились после 2014 г., так как сжатие торговли привело к необходимости поиска торговых партнеров. По этой причине мы можем не учитывать количественные характеристики торговых потоков, отражающие состояние внешней торговли регионов российско-украинского приграничья.

С точки зрения автора данного исследования, существенно более значимым является анализ участия этих регионов в международной торговле с помощью качественных показателей, например, с помощью индекса Грубеля–Ллойда, отражающего углубление внутриотраслевой торговли по мере развития экономики [12]. Принято считать, что интенсивность внутриотраслевой торговли для более успешно развивающихся территорий выше, и чем успешнее, тем ближе расчетное значение индекса к 1 [13, 14].

Почти все регионы, за исключением Курской и Ростовской области, имеют довольно высокие индексы Грубеля–Ллойда в торговле продовольственными товарами и сельскохозяйственной продукцией

⁸ Приграничное сотрудничество регионов России, Беларуси и Украины.

URL: <https://eabr.org/analytics/integration-research/cii-reports/prigranichnoe-sotrudnichestvo-regionov-rossii-belarusi-i-ukrainy/?ysclid=lbz310e5hj943472120>

(табл. 2). По всем регионам, кроме Республики Крым, относительно высоки значения индексов для торговли древесиной и целлюлозно-бумажными изделиями.

Для всех регионов российско-украинского приграничья, за исключением Белгородской области, характерна очень слабая склонность к межотраслевой торговле продукцией топливно-энергетического комплекса. В Ростовской и Белгородской областях, Республике Крым и Краснодарском крае весьма значительна склонность к межотраслевой торговле продукцией химической промышленности и каучуком. Весьма низкой являются расчетные значения индекса Грубеля–Ллойда для торговли машинами, оборудованием и транспортными средствами (исключение составляют лишь Ростовская область и Республика Крым).

Таким образом, российские регионы российско-украинского приграничья имеют относительно диверсифицированную структуру внешней торговли при существенно более высоком уровне развития обрабатывающих производств, и прежде всего в отраслях, производящих продовольственные товары и сельскохозяйственную продукцию, продукцию химической промышленности, а также древесину и целлюлозно-бумажные изделия. В целом такая структура отражает переориентацию (после первого витка политического кризиса в 2014–2015 гг.) на торговлю с развивающимися странами, что относительно благоприятно сказалось на экономическом развитии российских приграничных регионов в 2016–2017 гг.

Однако стоит заметить, что издержки указанной переориентации были выше для регионов с высоким уровнем «приграничности» – Белгородской и Ростовской областей. Относительно более развитая, чем в других регионах, граничащих с Украиной, погранично-таможенная и транспортно-логистическая инфраструктура фактически перестала функционировать в период 2015–2020 гг., так как барьерная функция границы стала значительно доминировать над контактной по причине лимитрофного статуса Украины.

В начале XXI в. произошли существенные трансформационные процессы в регионах российско-украинского приграничья: российские регионы относительно успешно развивались, а на Украине по причине лимитрофного положения страны еще до событий 2014 г. внимание правительства было обращено явно не на социально-экономическое приграничных областей. После 2014 г. в Донецкой и Луганской областях произошли «обвал» производства и стремительное сокращение численности населения, масштабы которого оценить не представляется

возможным, так как национальные органы статистического учета Украины эту информацию не публикуют. В результате после 2014 г. разрыв в уровне социально-экономического развития приграничных регионов России и Украины значительно усилился. После 2015 г. разница в величине ВРП между российскими и украинскими регионами общего приграничья увеличилась в 2–2,5 раза [15]. О том, что наметившаяся в первое десятилетие XXI в. конвергенция российских и украинских приграничных регионов сменилась дивергенцией, показывает расчет соответствующих показателей [11].

Однако если обратиться к статистике социально-экономического развития приграничных регионов Украины, имеющих общую границу с Российской Федерацией, то накануне 2014 г. именно эти украинские регионы являлись наиболее развитыми с точки зрения объемов промышленного и сельскохозяйственного производства, добычи полезных ископаемых. Например, в 2013 г. на Луганскую, Харьковскую и Донецкую области суммарно приходилось около 32% общего объема промышленной продукции, произведенной на Украине. Таким образом, возможное присоединение этих регионов к Российской Федерации в результате специальной военной операции после проведения восстановительных работ существенно повысит потенциал развития российско-украинского приграничья.

Лимитрофное положение соседнего государства приводит к значительному доминированию барьерной функции границы над контактной. Усиление политической конфронтации отрицательно сказывается на приграничном взаимодействии в целом, снижая интенсивность экономических и производственных связей. Как показывает история развития лимитрофных государств, вероятность их поглощения соседними странами является чрезвычайно высокой.

Соседство с лимитрофными территориями оказывает негативное влияние на экономическое развитие приграничных регионов, которое может быть смягчено за счет диверсификации экономических связей с внутренними регионами, а также со странами – торговыми партнерами, что мы и наблюдаем в случае Белгородской области. Другие регионы, характеризующиеся более низким уровнем диверсификации экономики, более подвержены рискам и угрозам (например, Курская область).

Таблица 1**Характеристики приграничного положения некоторых субъектов Российской Федерации****Table 1****Characteristics of the border position of some subjects of the Russian Federation**

Регион	Индекс приграничного положения
Белгородская область	0,63
Брянская область	0,43
Воронежская область	0,04
Курская область	0,21
Ростовская область	0,53
Краснодарский край	0,28
Республика Крым	0,7

Продолжение

Регион	Место в общем рейтинге субъектов Российской Федерации по уровню приграничного положения
Белгородская область	4
Брянская область	8
Воронежская область	44
Курская область	21
Ростовская область	5
Краснодарский край	21
Республика Крым	3

Источник: авторская разработка*Source:* Authoring**Таблица 2****Индексы Грубеля–Ллойда, рассчитанные для субъектов Российской Федерации, имеющих границу с Украиной (по данным 2020 г.)****Table 2****Grubel-Lloyd index calculated for subjects of the Russian Federation sharing a border with Ukraine (according to 2020 data)**

Регионы	Укрупненные товарные группы Товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности Таможенного союза продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье (1–24)
Брянская область	0,69
Курская область	0,43
Белгородская область	0,55
Воронежская область	0,56
Ростовская область	0,13
Краснодарский край	0,94
Республика Крым	0,96
Средняя величина по приграничным регионам России	0,54

Продолжение

Регионы	Укрупненные товарные группы Товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности Таможенного союза продукция топливно-энергетического комплекса (27)
Брянская область	0,09
Курская область	0
Белгородская область	0,77
Воронежская область	0,3
Ростовская область	0,26
Краснодарский край	0,01
Республика Крым	0,04
Средняя величина по приграничным регионам России	0,15

Продолжение

Регионы	Укрупненные товарные группы Товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности Таможенного союза продукция химической промышленности, каучук (28–40)
Брянская область	0,32
Курская область	0,41
Белгородская область	0,58
Воронежская область	0,33
Ростовская область	0,98
Краснодарский край	0,86
Республика Крым	0,88
Средняя величина по приграничным регионам России	0,42

Продолжение

Регионы	Укрупненные товарные группы Товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности Таможенного союза древесина и целлюлозно-бумажные изделия (44–49)
Брянская область	0,77
Курская область	0,57
Белгородская область	0,56
Воронежская область	0,86
Ростовская область	0,79
Краснодарский край	0,56
Республика Крым	0,21
Средняя величина по приграничным регионам России	0,36

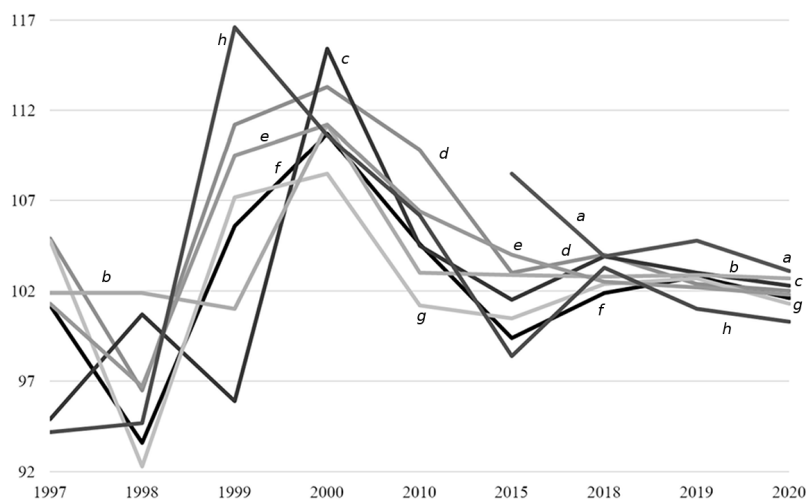
Продолжение

Регионы	Укрупненные товарные группы Товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности Таможенного союза металлы и изделия из них (72–83)
Брянская область	0,93
Курская область	0,82
Белгородская область	0,22
Воронежская область	0,5
Ростовская область	0,97
Краснодарский край	0,79
Республика Крым	0,18

Средняя величина по приграничным регионам России	0,45
--	------

Продолжение

Регионы	Укрупненные товарные группы товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности Таможенного союза машины, оборудование и транспортные средства (84–90)
Брянская область	0,46
Курская область	0,41
Белгородская область	0,49
Воронежская область	0,4
Ростовская область	0,74
Краснодарский край	0,37
Республика Крым	0,72
Средняя величина по приграничным регионам России	0,37

Источник: авторская разработка по данным Росстата*Source:* Authoring, based on the Rosstat data**Рисунок 1****Изменение индекса физического объема валового регионального продукта
в регионах российско-украинского приграничья (1997–2020 гг.)****Figure 1****Trends in the index of physical volume of the gross regional product
in the Russian-Ukrainian border-zone regions (1997–2020)**

Примечание. График *a* – Республика Крым. График *b* – Курская область.
 График *c* – Брянская область. График *d* – Белгородская область. График *e* – Ростовская
 область. График *f* – Российская Федерация. График *g* – Воронежская область.
 График *h* – Краснодарский край.

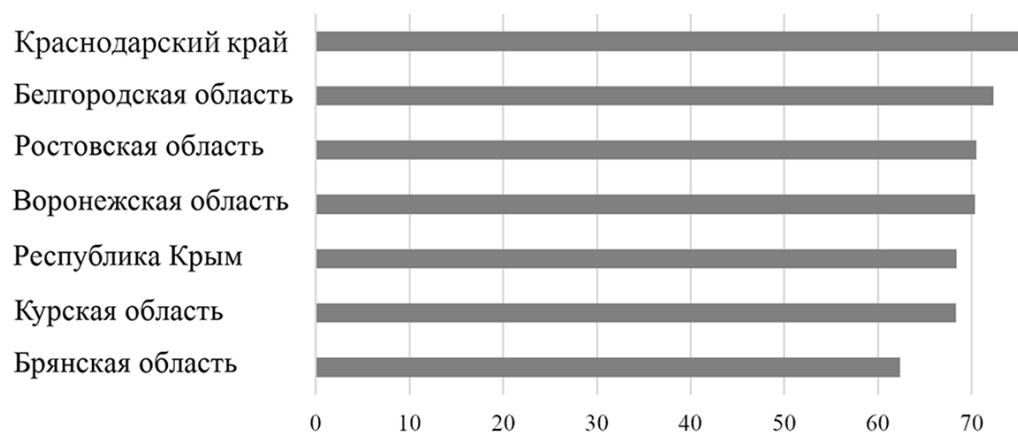
Источник: авторская разработка по данным Росстата*Source:* Authoring, based on the Rosstat data

Рисунок 2

Доля среднемесячной номинальной начисленной заработной платы от среднероссийского уровня по регионам российско-украинского приграничья в 2020 г.

Figure 2

The share of average monthly nominal gross payroll as a percentage of Russian average by region of the Russian-Ukrainian border area in 2020

Источник: авторская разработка по данным Росстата

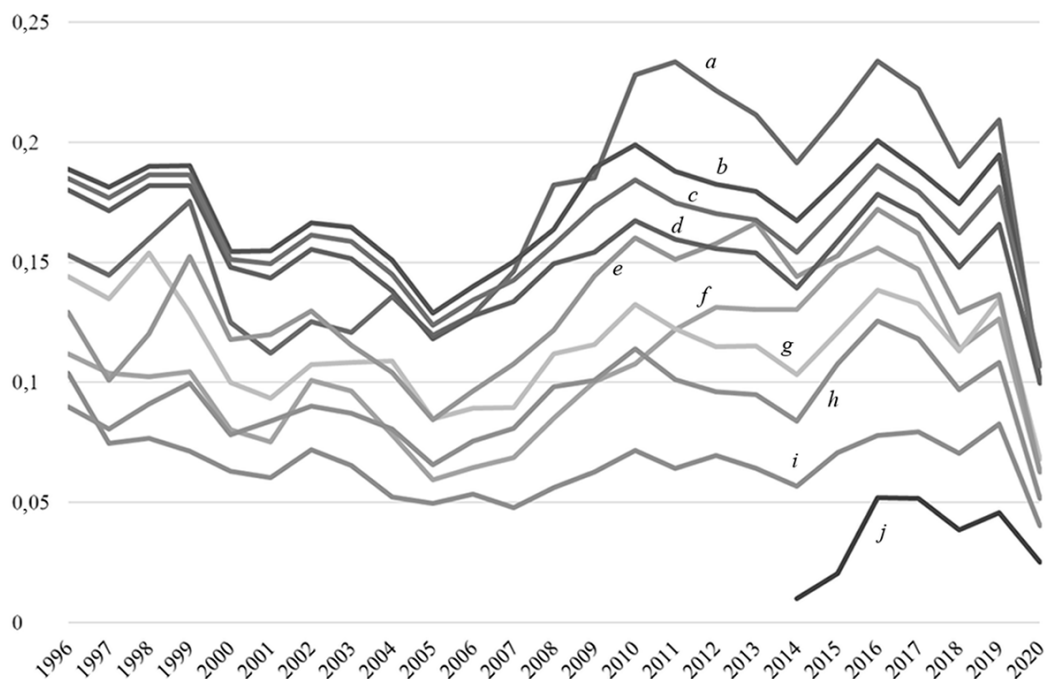
Source: Authoring, based on the Rosstat data

Рисунок 3

Динамика индексных показателей валового регионального продукта, определенных с помощью нормирования на основе метода относительных разностей

Figure 3

Trends in the index of GRP indicators defined by rationing based on the method of relative differences

Примечание. График *a* – Белгородская область. График *b* – средняя по всем приграничным регионам Российской Федерации. График *c* – средняя по всем регионам Российской Федерации. График *d* – средняя по внутренним регионам Российской Федерации. График *e* – Краснодарский край. График *f* – Воронежская область. График *g* – Курская область. График *h* – Ростовская область. График *i* – Брянская область. График *j* – Республика Крым.

Источник: авторская разработка по данным Росстата

Source: Authoring, based on the Rosstat data

Список литературы

1. Ламажсаа Ч.К.-О. Тува как лимитрофная зона: язык, религия и идентификация населения // Новые исследования Тувы. 2021. № 3. С. 178–194. URL: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.3.14>
2. Menon R., Snyder J.L. Buffer Zones: Anachronism, Power Vacuum, or Confidence Builder? *Review of International Studies*, 2017, vol. 43, iss. 5, pp. 962–986. URL: <https://doi.org/10.1017/S0260210517000122>
3. Дудин П.Н. Буферные зоны и их соотношение со схожими категориями территорий с особым режимом сквозь призму российского / советского

- и японского стратегического присутствия в регионе Восточной Азии // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2019. № 4. С. 44–62. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/bufernye-zony-i-ih-sootnoshenie-so-shozhimi-kategoriyami-territoriy-s-osobym-rezhimom-skvoz-prizmu-rossiyskogo-sovetskogo-i/viewer>
4. *Boulding K.E.* Conflict and Defense: A General Theory. New York, Harper & Brothers, 1962, 349 p.
 5. *Комлева Н.А.* Войны в лимитрофах: эволюция технологий // Пространство и Время. 2015. № 1-2. С. 32–42. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/voyny-v-limitrofah-evolyutsiya-tehnologiy/viewer>
 6. *Чаплыгина О.Г.* Экспорт и импорт российской сельскохозяйственной продукции и продовольствия: современные стороны развития // Геополитика и экогеодинамика регионов. 2018. Т. 4. № 4. С. 292–300. URL: <http://geopolitika.cfuv.ru/wp-content/uploads/2018/10/029chaplygina.pdf>
 7. *Епифанова Н.С.* Ранжирование приграничных регионов Российской Федерации // Государственная служба. 2022. Т. 24. № 3. С. 41–47. URL: <https://doi.org/10.22394/2070-8378-2022-24-3-41-47>
 8. *Стрижакова Е.Н., Стрижаков Д.В.* Развитие промышленной системы региона: факторы и условия // Региональная экономика: теория и практика. 2022. Т. 20. Вып. 10. С. 1922–1949. URL: <https://doi.org/10.24891/re.20.10.1922>
 9. *Андрюшин С.А., Кузнецова В.В.* Альтернативные оценки темпов инфляции в Российской Федерации: региональный аспект // Вопросы статистики. 2017. № 4. С. 64–73. URL: <https://voprstat.elpub.ru/jour/article/view/472>
 10. *Ганчар Н.А.* Индикаторный подход к оценке экономической безопасности приграничных регионов // Экономика и предпринимательство. 2021. № 5. С. 412–417.
 11. *Попкова Л.И., Черномаз П.А., Степанов А.В.* Конвергенция и дивергенция социально-экономических процессов российско-украинского приграничья: монография. Курск: Курский государственный университет, 2021. 160 с.

12. *Grubel H.G., Lloyd P.J.* Intra-Industry Trade: The Theory and Measurement of International Trade in Differentiated Products. London, Macmillan, 1975, 205 p.
13. *Епифанова Н.С.* Внутриотраслевая торговля и внешнеторговая безопасность приграничных регионов // Государственная служба. 2016. № 2. С. 46–49.
14. *Niem L., Kim T.* Economic Development, Vertical Intra-Industry Trade and Gains from Trade. *Modern Economy*, 2014, vol. 5, no. 1, pp. 1–10.
URL: <https://doi.org/10.4236/me.2014.51001>
15. *Колосов В.А.* Кризис в отношениях между Россией и Украиной и его влияние на трансграничные взаимодействия. В кн. Актуальные проблемы мировой политики. Ежегодный альманах. Т. 10. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет, 2020. С. 444–464.
URL: <https://doi.org/10.21638/11701/26868318.30>

Информация о конфликте интересов

Я, автор данной статьи, со всей ответственностью заявляю о частичном и полном отсутствии фактического или потенциального конфликта интересов с какой бы то ни было третьей стороной, который может возникнуть вследствие публикации данной статьи. Настоящее заявление относится к проведению научной работы, сбору и обработке данных, написанию и подготовке статьи, принятию решения о публикации рукописи.

pISSN 2073-2872
eISSN 2311-875X

Threats and Security

THE INFLUENCE OF THE BORDER POSITION OF THE RUSSIAN-UKRAINIAN BORDER REGIONS ON THEIR REGIONAL DEVELOPMENT

Natal'ya S. EPIFANOVA

Novosibirsk State University of Economics and Management (NSUEM),
Novosibirsk, Russian Federation
nucifraga@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-2014-3258>

Article history:

Article No. 526/2022
Received 17 Nov 2022
Received in revised
form 29 Nov 2022
Accepted 8 Dec 2022
Available online
16 January 2023

JEL classification:

R10, R12, R19

Keywords:

border position,
border economy, border
area, limitrophe State,
border State

Abstract

Subject. The article considers problems of international trade and geopolitical rivalry in the modern world.

Objectives. The purpose is to assess the economic development of regions of the Russian Federation bordering Ukraine.

Methods. The study employs methods of synthesis, analysis, and generalization.

Results. I made calculations and interpreted various indicators of economic development of border regions of the Russian Federation, having a common border with Ukraine, calculated the Grubel-Lloyd index for major commodity groups for a number of border areas. The paper shows that after the political crisis of 2014, there was a reorientation of foreign economic relations in most Russian regions bordering Ukraine, and the barrier function of the border began to dominate over the contact one.

Conclusions. To increase the effectiveness of the participation of border regions in foreign trade of the Russian Federation, it is crucial to apply a differentiated approach to regional policy implementation.

© Publishing house FINANCE and CREDIT, 2022

Please cite this article as: Epifanova N.S. The Influence of the Border Position of the Russian-Ukrainian Border Regions on Their Regional Development. *National Interests: Priorities and Security*, 2023, vol. 19, iss. 1, pp. 22–43.

<https://doi.org/10.24891/ni.19.1.22>

References

1. Lamazhaa Ch.K.-O. [Tuva as a limitrophe zone: language, religion and people's identity]. *Novye issledovaniya Tuvy = New Research of Tuva*, 2021, no. 3, pp. 178–194. (In Russ.) URL: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.3.14>
2. Menon R., Snyder J.L. Buffer Zones: Anachronism, Power Vacuum, or Confidence Builder? *Review of International Studies*, 2017, vol. 43, iss. 5, pp. 962–986. URL: <https://doi.org/10.1017/S0260210517000122>

3. Dudin P.N. [Buffer zones and their correlation with like categories of territories with special regimes, as viewed through the prism of Russian/Soviet and Japanese strategic presence in the East Asian region]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12: Politicheskie nauki = Moscow University Bulletin. Series 12. Political Science*, 2019, no. 4, pp. 44–62. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/bufernye-zony-i-ih-sootnoshenie-so-shozhimi-kategoriymi-territoriy-s-osobym-rezhimom-skvoz-prizmu-rossiyskogo-sovetskogo-i/viewer> (In Russ.)
4. Boulding K.E. *Conflict and Defense: A General Theory*. New York, Harper & Brothers, 1962, 349 p.
5. Komleva N.A. [Wars in limitrophes: Evolution of technologies]. *Prostranstvo i Vremya*, 2015, no. 1-2, pp. 32–42. (In Russ.) URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/voyny-v-limitrofah-evolyutsiya-tehnologiy/viewer>
6. Chaplygina O.G. [Export and import of Russian agricultural products and food: Current trends of development]. *Geopolitika i ekogeodinamika regionov = Geopolitics and Ecogeodynamics of Regions*, 2018, vol. 4, iss. 4, pp. 292–300. URL: <http://geopolitika.cfuv.ru/wp-content/uploads/2018/10/029chaplygina.pdf> (In Russ.)
7. Epifanova N.S. [Ranking the border regions of the Russian Federation]. *Gosudarstvennaya sluzhba = Public Administration*, 2022, vol. 24, iss. 3, pp. 41–47. (In Russ.) URL: <https://doi.org/10.22394/2070-8378-2022-24-3-41-47>
8. Strizhakova E.N., Strizhakov D.V. [Development of the industrial system of the region: Factors and conditions]. *Regional'naya ekonomika: teoriya i praktika = Regional Economics: Theory and Practice*, 2022, vol. 20, iss. 10, pp. 1922–1949. (In Russ.) URL: <https://doi.org/10.24891/re.20.10.1922>
9. Andryushin S.A., Kuznetsova V.V. [Alternate assessments of inflation rates in the Russian Federation: Regional aspect]. *Voprosy statistiki*, 2017, no. 4, pp. 64–73. URL: <https://voprstat.elpub.ru/jour/article/view/472> (In Russ.)
10. Ganchar N.A. [Indicator approach to assessing the economic security of border regions]. *Ekonomika i predprinimatel'stvo = Journal of Economy and Entrepreneurship*, 2021, no. 5, pp. 412–417. (In Russ.)

11. Popkova L.I., Chernomaz P.A., Stepanov A.V. *Konvergenstsiya i divergenstsiya sotsial'no-ekonomicheskikh protsessov rossiisko-ukrainskogo prigranich'ya: monografiya* [Convergence and divergence of socio-economic processes of the Russian-Ukrainian borderland: a monograph]. Kursk, Kursk State University Publ., 2021, 160 p.
12. Grubel H.G., Lloyd P.J. *Intra-industry Trade: The Theory and Measurement of International Trade in Differentiated Products*. London, Macmillan, 1975, 205 p.
13. Epifanova N.S. [Intra-industry trade as a factor of foreign trade security of border regions]. *Gosudarstvennaya sluzhba = Public Administration*, 2016, no. 2, pp. 46–49. (In Russ.)
14. Niem L., Kim T. Economic Development, Vertical Intra-Industry Trade and Gains from Trade. *Modern Economy*, 2014, vol. 5, no. 1, pp. 1–10. URL: <https://doi.org/10.4236/me.2014.51001>
15. Kolosov V.A. *Krizis v otnosheniyakh mezhdu Rossiei i Ukrainoi i ego vliyanie na transgranichnye vzaimodeistviya. V kn. Aktual'nye problemy mirovoi politiki. Ezhegodnyi al'manakh. T. 10.* [Crisis in relations between Russia and Ukraine and its impact on cross-border cooperation. In: Digest of World Politics. Annual Review. Vol. 10]. Saint Petersburg, Saint Petersburg State University Publ., 2020, pp. 444–464. URL: <https://doi.org/10.21638/11701/26868318.30>

Conflict-of-interest notification

I, the author of this article, bindingly and explicitly declare of the partial and total lack of actual or potential conflict of interest with any other third party whatsoever, which may arise as a result of the publication of this article. This statement relates to the study, data collection and interpretation, writing and preparation of the article, and the decision to submit the manuscript for publication.